

Услышав рык Тана-лана, Чжоу Чжоу мгновенно оцепенел. Его рука, покоившаяся на животе божественного зверя, замерла в неловком положении — ни убрать, ни оставить. Впрочем, в конце концов он медленно, очень медленно переместил её в другое место. У этого божественного зверя было столь обостренное чувство целомудрия, что Чжоу Чжоу не мог позволить себе его оскорбить.

Последние два дня Цзи Юньлю находился в крайнем напряжении, опасаясь Юнь Цинмо, и по ночам спал крайне беспокойно. Несмотря на мощную духовную силу, его тело всё ещё оставалось детским, и спустя несколько дней он начал сдавать. Как только Чжоу Чжоу ушел, он вернулся в бамбуковую хижину отдохнуть. Возможно, из-за внезапного расслабления он провалился в сон на три часа, и когда очнулся, уже стемнело.

Выйдя из дома, Цзи Юньлю направился в комнату Чжоу Чжоу, но того еще не было. На столе стояли изысканные закуски, которые все еще сохраняли тепло — видимо, их приготовили совсем недавно.

Хотя Цзи Юньлю и удивился, что Чжоу Чжоу до сих пор не вернулся, он уже твердо решил доверять ему, поэтому не стал строить подозрений, списав всё на непредвиденные дела. Вспомнив, как перед уходом Чжоу Чжоу обещал дождаться его к ужину, он почувствовал тепло в груди и тихо сел за стол.

С момента перерождения прошло чуть больше десяти дней, но за это время произошло столько потрясений: разрыв с отцом, возвращение в секту Цзюньшань под присмотром Юнь Цинмо, пытки, которые он уже переживал в прошлой жизни... У него просто не было времени на культивацию. Теперь же, пока Чжоу Чжоу отсутствует, самое время заняться практикой.

Цзи Юньлю быстро вошел в состояние медитации и провел циркуляцию техники Ледяного Сердца Сюаньмина по меридианам. Погрузившись внутренним взором в дантянь, он увидел едва заметный холодный туман — это был первый уровень техники. В прошлой жизни у него ушло больше полумесяца, чтобы собрать этот туман, а теперь, опираясь на прежний опыт и могучий дух, он преуспел с первой же попытки. Это не могло не радовать. Цзи Юньлю продолжил практику, и каждый раз ему удавалось конденсировать туман. Лишь спустя час он с неохотой прервал медитацию.

Цзи Юньлю медленно открыл глаза, и в комнате воцарилась тишина. Учитель еще не вернулся? Он слегка нахмурился. По привычкам Юнь Цинмо, тот никогда не ночевал вне пика Сяочжу. Тем более, нынешний Юнь Цинмо уже не тот, что прежде, он не знаком с окружением и тем более не стал бы оставаться на ночь в другом месте. Мысль о том, что Юнь Цинмо потерял память, привела Цзи Юньлю к странному выводу: а не заблудился ли учитель?

Чем больше босс Цзи думал об этом, тем больше убеждался, что подобная рассеянность вполне в духе его учителя.

Надо признать, босс Цзи весьма глубоко понимал натуру Чжоу Чжоу.

Представив, как тот жалобно и невинно выглядит, когда теряется, босс Цзи не смог усидеть на месте. Он резко вскочил и помчался вниз с пика Сяочжу. Скорость, с которой он перемещался, была совершенно немыслима для того, чья база культивации находилась лишь на первом уровне стадии Очищения Ци.

В тот момент, когда босс Цзи пронесся мимо, словно порыв ветра, один из учеников, шедший по горной тропе, внезапно оглянулся. Не увидев ни души, он снова отвернулся и озадаченно пробормотал:

— Странно, ведь я отчетливо почувствовал чье-то присутствие. Неужели показалось? — Он покачал головой. — Точно, должно быть, ошибся. Тот, кого я мог бы заметить, не двигался бы с такой скоростью. — Не став ломать голову, он продолжил спуск.

Вернемся к Тану-лану. После своих слов он посчитал, что его священное достоинство божественного зверя было задето, и отказался произносить хоть слово. Он наотрез решил притвориться немым, свернувшись калачиком на руках у Чжоу Чжоу, и не реагировал ни на просьбы, ни на поддразнивания, ни на угрозы, ни на притворные жалобы.

— Тану-лан, дорогой, малыш, волчонок, ну скажи мне дорогу. Если мы не вернемся к ужину, твой обаятельный, изящный и харизматичный хозяин умрет с голоду! Ладно я, но ты ведь мой контрактный партнер, на тебя это тоже повлияет. Я не могу допустить, чтобы мой маленький волчонок пострадал от небесной кары из-за меня. — На самом деле телу Юнь Цинмо еда была уже не нужна, но как заядлый домосед и гурман из двадцать первого века, он не мог избавиться от тяги к вкусной пище. Ради того, чтобы поскорее поесть, можно было и немного попритворяться.

Тану-лан не выдержал и рявкнул:

— Заткнись!

Он заметил, что сегодня злился чаще, чем за последние сто лет вместе взятые. Божественный зверь, привыкший жить в уединении лесов, осознал, что ему катастрофически не повезло с человеком.

Тану-лан со вздохом, по-детски сердито пропищал:

— Повернись назад, пройди триста метров прямо, там будет тропинка. Ой, забыл спросить: ты где живешь-то?

— Пик Сяочжу, — небрежно бросил Чжоу Чжоу.

Тану-лан неуверенно переспросил:

— ...Это тот самый пик Сяочжу, о котором я думаю?

Чжоу Чжоу удивился:

— Разве в секте Цзюньшань есть второй пик Сяочжу?

Тану-лан дрожащим голосом спросил:

— Как тебя зовут? — Его вид выражал такой ужас, что он, казалось, совершенно забыл о том, как это роняет тень на его священный статус.

Чжоу Чжоу задумался:

— Юнь Цинмо.

Услышав это имя, сердце Тану-лана ушло в пятки. О черт, тот самый легендарный извращенец и детоненавистник! Не стоит удивляться, откуда Тану-лану знать о Юнь Цинмо. Будучи скучающим божественным зверем, который только и делал, что ел, спал и культивировал, он иногда выбирался в людные места подслушивать сплетни. Самой запоминающейся историей был рассказ о некоем неудачнике по имени Юнь Цинмо, который из всеми обожаемого гения превратился в мрачного, всеми презираемого маньяка-садиста.

Говорили, что Юнь Цинмо когда-то был редчайшим талантом секты Цзюньшань: в семь лет достиг стадии Основания, в одиннадцать — перестал нуждаться в зерновой пище, в двадцать — сформировал Золотое Ядро, а к двадцати пяти уже достиг стадии Зарождающейся Души. Увы, небеса позавидовали таланту: по неизвестной причине его уровень упал до Золотого Ядра, оно было повреждено, и шансов на дальнейший рост не осталось. Юнь Цинмо, на которого возлагали надежды как на будущего главу, после кончины старого наставника стал владельцем пика Сяочжу, а пост главы занял его старший брат Цзюнь Уя. Юнь Цинмо прославился в юности, его путь был устлан розами, он не знал тех трудностей, с которыми сталкивались другие, и пренебрежительно относился к тому, за что остальные боролись из последних сил. Это воспитало в нем крайне высокомерный характер, и, упав с небес, он уже не смог подняться. С тех пор он прогнал всех, остался на пике один, его нрав стал переменчивым, сердце — злобным, и он начал с садистским наслаждением мучить детей, приводимых с подножия горы. Поначалу глава Цзюнь Уя пытался его образумить, но позже махнул рукой.

Тану-лан тогда очень заинтересовался этой сплетней и несколько месяцев потратил на то, чтобы собрать историю по кусочкам. И хотя картина была неполной, этого хватило, чтобы составить мнение: Юнь Цинмо — мрачный, злобный извращенец.

Надо сказать, это было очень близко к истине. Не стоит требовать большего от божественного зверя, который в юном возрасте обожает сплетни.

Раньше Тану-лан слушал сплетни с удовольствием, но теперь героем слухов стал его собственный хозяин. Стоило ему вспомнить об извращенных наклонностях этого человека, как у него все сжалось внутри. О боже, не надо так с ним!

Чжоу Чжоу, глядя на Тану-лана, который выглядел так, будто небо рухнуло и он готов упасть в обморок, обеспокоенно спросил:

— Что с тобой? — После этих слов Чжоу Чжоу отчетливо почувствовал, как пушистое тельце зверя сильно задрожало.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, Тану-лан выпалил:

— Поверни назад, триста метров прямо, направо! — Голос звучал четко и отрывисто, словно он боялся, что если промедлит, его тут же проглотят как закуску.

Чжоу Чжоу спросил:

— Сколько идти до дома? — Но ответа не последовало: Тану-лан спрятал голову в свернутое тельце, притворившись спящим.

Чжоу Чжоу слегка улыбнулся и погладил шерстку зверя, но почувствовал, что та, обычно мягкая, сейчас стоит дыбом и колется, как иголки ежа. Это показалось странным, но, вспомнив, что в руках у него божественный зверь, он решил, что ничего удивительного в этом нет.

Следуя указаниям Тану-лана, Чжоу Чжоу действительно нашел среди зарослей травы высотой в человеческий рост узкую тропинку. По мере движения она становилась все уже, и вдруг Чжоу Чжоу услышал впереди шорох. Его сердце екнуло, и он пошел тише.

Оставаться в такой глуши в столь поздний час — это либо к встрече с призраком, либо с недоброжелателем. Первого он боялся, а второго — еще больше. Клише вроде убийства свидетелей он сам прописывал в своих историях не меньше десяти раз.

Осторожно раздвинув траву, он прильнул глазом к щели. Неподалеку от тропы друг против друга стояли двое. Из-за того, что они стояли к нему спиной, лиц было не разобрать, но по фигурам это были юноша и подросток.

Он услышал, как юноша холодным голосом произнес:

— Уходи. Не смей больше следовать за мной.

В голосе подростка сквозили боль и надежда:

— Почему, учитель? Вы больше не хотите меня видеть? Я... я не могу без вас.

Ого, вечерняя драма! Чжоу Чжоу загорелся от восторга, не заметив, как притворившийся спящим Тану-лан тоже наострил уши.

Холодный голос, в котором едва угадывался гнев, ответил:

— С того момента, как у тебя появились подобные мысли, наша связь учитель-ученик прервалась. Не нужно больше ничего говорить. Уходи и не показывайся мне на глаза. — Сказав это, он собрался уйти.

— Учитель! — в отчаянии воскликнул подросток, бросаясь вслед, чтобы схватить его за рукав.

Но не успел он приблизиться, как мощная сила отшвырнула его прочь. Это был удар юноши.

Подросток тяжело рухнул на землю, выплюнув сгусток крови. Судя по всему, внутренние повреждения были серьезными. На его лице застыло выражение пустоты: он словно не понимал, что произошло. Как учитель, который всегда так его любил, мог причинить ему боль? Должно быть, это ошибка. Нет, учитель не мог так поступить. Он взглянул на юношу, но увидел лишь холодное лицо, в котором не было и тени прежней заботы. Только тогда он понял: учитель действительно от него отказался.

Юноша завел руки за спину и, сдерживая голос, произнес:

— Береги себя. — Он развернулся и ушел. Его скорость была недостижима для того, с какой передвигался босс Цзи в своем детском теле.

Глядя вслед уходящему, подросток наполнился отчаянием и безумием.

Этот взгляд заставил Чжоу Чжоу вздрогнуть. Он случайно задел траву, раздался шорох, и подросток резко обернулся прямо в сторону Чжоу Чжоу.

<http://bllate.org/book/22479/2368318>